

человека в состоянии мистического воспарения, тоже оформляются рецептурно. Лишь мистика — недостижимый предел рецепта — принципиально внерецептурна. Загнать ее в жесткие пространства рецепта немислимо. Это тот меловой круг, за который рецепту нет ходу.

Мейстер Экхарт (XIII в.) выдвигает два, казалось бы, противоположных тезиса. Первый: «Когда ты лишаешься себя самого и всего внешнего, тогда воистину ты это знаешь... Выйди же ради бога из самого себя, чтобы ради тебя бог сделал то же, когда выйдут оба — то, что останется, будет нечто единое и простое» (1912, с. 21, 26). Второй: «Зачем не останетесь в самих себе и не черпаете из своего собственного сокровища? В вас самих заключена по существу вся правда» (с. 26). Отказ от себя во имя всех, действующих ради бога, — дело божественное. Но и уход в себя не менее богоугоден. Пробывание в этих крайних точках равно священо и осуществляется лишь в нерецептурном мистическом акте. Но между этими крайностями вершатся вполне земные дела. Взаимодействие этих крайностей и есть реальное бытие рецепта.

Рецепт средневековья двойствен. Вторая его природа, в отличие от первой, ремесленной, мистически жертвенна, а значит, и глубоко индивидуальна. Рецепт — и норма, и артистизм вместе. Но, в отличие от искусства мирского, первый читатель, первый зритель, первый слушатель (может быть, единственный) — сам бог. Причастный к богу, рецепт приобретает характер общезначимого, но и лично неповторимого¹. Вырабатываются рецепты универсальные, коллективно-субъективные, но каждый раз открываемые как бы заново, а потому каждый же раз лично неповторимые. Личностное начало в пределах коллективного действия ярко запечатлено в средневековом рецепте. Сама же вещь, на создание которой нацелен рецепт, должна быть вещью совершенной, истинной. Истинное и совершенное тождественны. У *Фомы Аквинского* (XIII в.) читаем: «... о ремесленнике говорят, что он сделал истинную вещь, когда она отвечает правилам ремесла» (АМФ, I, с. 837). Стало быть, и в практическом назначении рецепта усматривается его священнодейственное предназначение.

Каждое действие средневекового мастера двойственно. Средневековый рецепт — и действие, и священнодействие сразу. С одной стороны, дело это делает рука, принадлежащая человеку — части природы, плоти земной (*Христос* — сын человеческий), с другой — деяние это творит десница, принадлежащая человеку — частице бога (*Христос* — сын божий). Рецепт, с одной стороны, — практика, с другой — личный вклад (в пределах вклада всеобщего) в дело приобщения к божественному. Сумма же этих сугубо личных деяний формирует, сог-

¹ См. примечательную характеристику средневекового работника и его деятельности, данную Марксом в его «Экономических рукописях 1857—1859 годов» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1, с. 487—490).